

– гуляли, чтобы отметить летнее солнцестояние, летние жаркие дни, чтобы не забывать древнее огнепоклонство, дать возможность молодежи поиграть, поводить хороводы, погадать. Потому и жгли костры, прыгали через них, «ловили ведьму» – становились в дым от зеленых веток и травы и уворачивались от бросаемого песка и палок, плели венки и пускали их по воде.

В советский период, когда шло гонение на Церковь и религиозные верования, Иван Купала праздновался детворой и молодежью с оглядкой. Запрета на этот праздник не было. Но когда компания на полуострове (на грудку) Бабье, у берега Сейма в 60-е годы зажигала костер, то кто-нибудь да покрикивал, чтоб попугать ровесников: «Иван Иванович едет!». Шевченко И. И. в то время был председателем сельсовета и следил за порядком в селе. Представитель власти даже в сознании детей прочно ассоциировался с запретами и угрозой наказания за действия, не санкционированные властью. По крайней мере, именно в сельсовет вызывали бабушек для бесед и штрафов за то, что они собирались на моления и церковные песнопения в хатах, когда церковь закрыли. Шевченко, наверное, и не задумывался об Иване Купале, но для подростков выступал пугалом во время самочинного прыганья через костер. Надо сказать, что во время игры в футбол или жмурки таких аллюзий у детворы не возникало.

Иван Купала праздновался, утратив свои многовековые атрибуты. Но главное оставалось – костер, прыжки через него, плетение венков и пускание их по воде. Кроме того, каждый раз кто-то рассказывал легенду о цветке папоротника.

И вот Поливиченко решил возродить этот древний праздник, «легализовать» его, наполнив разнообразным действием, превратив в народное гуляние.